

АРХЕОЛОГИЯ РЕЛИГИИ: К ВОПРОСУ О РАЦИОНАЛЬНОСТИ АРХАИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ

В цикле статей «Археология религии» делается попытка обозначить некоторые онтологические и антропологические константы и размытые ныне смыслы первичной, подлинной религиозности, искажающейся и деградирующей в тоталитарном диктате религиозных догм. В данной статье говорится о рациональности архаического сознания, включающего в себя мифологическое (магическое) и религиозное сознание.

Ключевые слова: археология религии, архаическое сознание, рациональность, адекватность.

Мы уже рассматривали вопрос об исторически сложившейся многозначности понятия рациональности и многомерности самой рациональности [1–2]. По отношению к архаическому человеку мы говорим о рациональности архаического сознания (которое включает в себя мифологическое/магическое и религиозное сознание), а также о рациональности деятельности архаического человека, включающей в себя производственную и магико-религиозную деятельность. Иными словами, мы заявляем о рациональности парадигмы, в которой в настоящее время выстраиваются иррационалистические и мистические, а отнюдь не рационалистические концепции. Отсюда актуальным представляется уточнить, что подразумевается под рациональностью архаического сознания.

Миф, как пишет И.А. Кребель, – это рациональная первичная фиксация внутреннего опыта (безусловной истины, алетейи) коммуникации человека с миром и закрепление этого опыта в знаке, присутствующем в живой языковой среде – речи. Миф – это первичное удержание онтологических состояний, утверждение и закрепление их в широком смысле в знаке [3]. Мифология, по А.И. Пигалеву, – это фетишизация [4] и оперирование идеальными объектами-фетишами, при этом сама фетишизация – это универсальный культурный способ придания слишком объемным для архаического восприятия бытийным пластам наличной и явной предметности с помощью уподобления объекта и его части, знака и обозначаемого. Согласно А.И. Пигалеву¹, ориентация человечества на символы/фетиши в качестве органов культуры с точки зрения системы является более эффективной, чем ориентация на подлинные законы ее функционирования, следовательно, если эффективность взять как критерий рациональности, – то и более рациональной.

Мифорелигиозная деятельность, как пишет А.Н. Северьянов [5], ритмично оперирует через фетиши в мультимерности системных эффектов с культурно выделенными, т. е. репрезентированными, мифологически поименованными, индивидуально и социально значимыми областями природно-социальных системных эффектов (богами, духами и пр.). Отсюда и религию можно рассмотреть как вид рациональной деятельности по индивидуальному и социальному взаимодействию с репрезентированными в культуре и практически значимыми системными эффектами природы и социума. Она адекватна цели адаптации человека в окружающем мире².

Таким образом, мы будем исходить из единой для архаического человека рациональности – рациональности поведения в окружающем, иногда довольно враждебном, мире. Отсюда мы также будем считать рациональной деятельностью древнего человека по изготовлению как орудий труда,

так и предметов магии. Более того, саму магию как часть рациональной деятельности древнего человека также следует считать рациональной. В этом отношении рациональность, согласно И.А. Кребель, есть «техника осуществления действия, основанная на практике». По ее мнению, практика «как выверенность включает в себя опыт выполнения действия; данный опыт ущербен в ограничении сферой ментального, потому с необходимостью вплетен в единство ментального (интеллектуального), эмоционального и телесного – первоисходно мысль имеет тело и осваивается телесно» [6]. Таким образом, рациональность не только ментальна, но и телесна, проявляется в практике адекватного миру³ поведения архаического человека.

Отсюда нам опять придется принять достаточно широкое *рабочее определение рациональности*: это стремление человека субъективно выстроить свое мышление и действия в форме, наиболее адекватной окружающей его объективной реальности в том виде, как он ее воспринимает, в попытке достижения гармонии с ней.

Реальность мира всегда шире, богаче, полнее любых человеческих представлений об этой реальности [7]. Поэтому реальность нельзя описать в парадигме одного типа рациональности. Такого рода упорядочивание будет всегда неполным, и сознание человека будет всегда это понимать и стремиться выйти за рамки такого упорядочивания, расширить его. Однако в силу своей ограниченности сознание может не справиться с упорядочиванием опыта осознания безграничного мира. И когда сознание не справляется с такой функцией упорядочивания такого опыта, как пишет С.В. Маслова, логически возможны два пути: первый – разработка новой рациональности, которая сможет выполнять эту функцию в изменившихся условиях, и второй – сознание может отказаться от этой функции вообще [8, с. 213]. Однако С.В. Дремов и И.Р. Семин, считают, что сознание человека не теряет своих основных функций (тем более – не отказывается от них) ни при каких обстоятельствах и, таким образом, никогда не отказывается от функции упорядочивания [9]. Исследователи утверждают, что человек способен выживать в любых условиях существования благодаря множественности состояний сознания. Само изменение сознания человека, по их мнению, представляет собой конститутивную характеристику сознания. Благодаря изменениям сознания не перестают осуществляться его основные функции – ориентировка и приспособление как аспекты упорядочения. В обычных условиях, как считают исследователи, сохранение гармоничного сосуществования со средой не требует изменения сознания, так как осуществляется в рамках его исходного состояния.

Но если человек должен сохранить взаимодействие с окружением в новых, особенно в неблагоприятных, условиях, наступает изменение сознания. Логично заключить, что любое такое изменение сознания влечет за собой то, что С.В. Маслова называет разработкой новой рациональности [8].

С точки зрения системного подхода, применяемого В.С. Степиным при описании типов рациональности, окружающий нас мир представляет собой целостный организм, т. е. фактически сложную саморазвивающуюся систему, в которую включен и человек. В ходе развития такой сложной саморазвивающейся системы осуществляется переход от одного вида ее саморегуляции к другому. Саморазвивающимся системам, как пишет В.С. Степин, присуща иерархия уровней организации элементов, способность порождать в процессе развития новые уровни. Причем каждый такой новый уровень оказывает обратное воздействие на ранее сложившиеся, перестраивает их, в результате чего система обретает новую целостность, возникают новые параметры порядка, новые типы прямых и обратных связей [10, с. 67].

Взаимодействие человека, включенного в сложную саморазвивающуюся систему (мир), и самой системы протекает таким образом, что любое человеческое действие не является чем-то внешним по отношению к ней, а включается в систему, видоизменяя набор ее возможных состояний [10, с. 72]. Однако нам следует напомнить, что само человеческое действие является результатом работы сознания человека, также включенным в систему. Иными словами, человек как часть системы несет в себе сознание, одной из характеристик которого является рациональность. При изменении сложной саморазвивающейся системы происходит изменение как человека, так и его сознания, а значит, и соответствующего уровня/типа рациональности. Следовательно, в иерархии системы мы сталкиваемся с различными видами рациональности, или иерархией рациональностей.

Соответственно, если мы возьмем сознание как один из уровней организации этой системы, то оно должно порождать новые состояния/типы сознания (мифологическое, религиозное и пр.) в соответствии с тем, как система способна порождать в процессе развития новые уровни. Но это фактически и есть адаптация сознания, о которой говорили С.В. Дремов и И.Р. Семин. Возникновение нового типа сознания и рациональности не приводит к полному уничтожению предыдущего, между ними, по В.С. Степину, существует преемственность. А если так, то можно сказать, что самый первый, архаический, тип сознания и рациональности присутствует в современном сознании, между ними также существует

преемственность, и его нельзя искоренить, он всего лишь становится менее актуальным. Но в определенном состоянии системы он начинает актуализироваться и функционировать. Миф, религия как формы рациональности неотделимы от человека и неуничтожимы, и их нельзя изъять из сознания человека, поэтому они так быстро активизируются в современном обществе. Однако эти процессы не означают в прямом смысле «архаизацию», это преимущественно актуализация другой рациональности, адекватной состоянию сложной саморазвивающейся системы – мира.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ «Если допустить, – пишет А.И. Пигалев, – что все законы, которым подчинены многочисленные системные взаимосвязи, ускользающие от внимания отдельного человека и принципиально не поддающиеся наглядному изображению, открыты, сформулированы и сообщены агенту действия, то он просто не сможет удерживать в поле своего сознания все их многообразие. Образ действий, при котором человек прибегает к помощи фетишей в роли органов культуры, всех законов функционирования которой он не может и не должен понимать, но которые своей “спрессованной” наглядностью замещают собой законы жизни системы, позволяет ему освободиться от такой непосильной задачи» [4, с. 130].
- ² Мы считаем, что по отношению к архаическому сознанию главным критерием рациональности следует считать целесообразность и адекватность окружающему миру. Отсюда такие формы архаического знания, как мифология и религия, являются всего лишь вспомогательными средствами адекватного вписывания, встраивания человека в окружающий мир [1].
- ³ Если коснуться выбора критериев рациональности, то следует особенно отметить мнение А.Л. Никифорова, который считает, что основным парадигмальным объектом рациональной (по аналогии с «истинностной») оценки является деятельность, т. е. *целенаправленная, продуманная активность, завершающаяся некоторым результатом, которая считается рациональной в том случае, когда она приводит к поставленной цели. Критерием рациональности деятельно-*

сти, как считает исследователь, может быть только достижение цели [11].

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Першин Ю. Ю.* Социально-историческая обусловленность генезиса греческой философии. Апология homo religiosus // Философия и социальная динамика XXI века: проблемы и перспективы : матер. I Всерос. науч. конф. (Омск, 15 мая 2006 г.). Омск : СИБИТ, 2006. С. 310–334.
- [2] *Першин Ю. Ю.* Археология религии: со-бытие рациональностей // Общество как со-бытие: «система» и «жизненный мир» : монография. Омск : СИБИТ, 2007. С. 27–48.
- [3] *Кребель И. А.* Открытость мысли культурным практикам: проблема подлинной рациональности // Личность. Культура. Общество. 2007. Т. 9. Вып. 2 (36). С. 230–240.
- [4] *Пигалев А. И.* Призрачная реальность культуры: фетишизм и наглядность невидимого. Волгоград : Изд-во Волгогр. гос. ун-та, 2003. 354 с.
- [5] *Северьянов А. Н.* Мифорелигиозная «тэхнэ» в метадействии античной войны // Социально-экономические системы. Омск, 2008. С. 419–434.
- [6] *Кребель И. А.* Живое мысли в мифопоэтической размерности дискурса: топология мифа // Человек в современных философских концепциях. Волгоград, 2007. Т. 3. С. 718–723.
- [7] *Швырев В. С.* Рациональность в сфере ее возможностей // Исторические типы рациональности / отв. ред. В. А. Лекторский. М. : ИФ РАН, 1995. Т. 1. С. 14.
- [8] *Маслова С. В.* Функционирование мифа в современной культуре: контекст перехода к рациональности постмодерна // Изв. Том. политехнич. ун-та. 2007. Т. 310. № 2.
- [9] *Дремов С. В., Семин И. Р.* Измененные состояния сознания: психологическая и философская проблема в психиатрии. Новосибирск : Изд-во СО РАН, 2001. 204 с.
- [10] *Степин В. С.* Системность объектов научного познания и типы рациональности // Вестн. Том. гос. ун-та. Сер. «Философия. Социология. Политология». 2007. № 1. С. 65–76.
- [11] *Никифоров А. Л.* Соотношение рациональности и свободы // Исторические типы рациональности / отв. ред. В.А. Лекторский. М. : ИФ РАН, 1995. Т. 1. С. 236–238.